

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ИСТОРИКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГОДА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

К. А. Заболотская

THE USAGE OF HISTORIC EXPERIENCE AND TRAINING HISTORIANS IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN HISTORY YEAR

К. А. Zabolotskaya

В статье анализируется воздействие исторического опыта на мировоззрение населения России в контексте проведения года российской истории и подготовки кадров историков.

The article analyses historic experience impact on the Russian population outlook in the context of the Russian History Year and training historians.

Ключевые слова: исторический опыт, объективность и достоверность исторических источников, профессионализм кадров историков.

Keywords: historic experience, objectivity and authenticity of historical sources, historians' professionalism.

Передовые умы России всегда активно интересовались историей своей страны. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить хотя бы такие имена, как М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, А. М. Горчаков, А. И. Герцен, А. А. Зиновьев, А. И. Солженицын. Все они тяжело переживали внутренние неурядицы России и были озабочены перспективами ее развития. В 1990 г., почти на исходе XX в. А. И. Солженицын опубликовал одну из своих замечательных статей под названием «Как нам обустроить Россию» [16]. В данной статье А. И. Солженицын обращается к историческому опыту России и доказывает целесообразность его использования в современных условиях. Опыт, безусловно, бывает разный. Особенно, если учесть, что его отражение и в официальных, и в личных документах не всегда полностью соответствует реальной действительности.

Исторический опыт, накопленный любой страной, ее история всегда оказывает воздействие на формирование менталитета населения. Не случайно такой крупный историк, как академик И. Д. Ковальченко постоянно подчеркивал социальный характер исторических знаний, рассматривал их как часть общественно-научной мысли; считал необходимым выяснить социальную значимость концепции, возможности ее влияния на решение задач общественной жизни. И. Д. Ковальченко считал также необходимым обращать «внимание и на соотнесение выводов историка с проблемами современности» [22, с. 158].

Такую позицию, к сожалению, занимали и занимают не все. Руководители молодого советского государства с первых лет его существования не придавали должного значения познанию и использованию накопленного страной исторического опыта. Свидетельством тому является начавшееся уже в конце 1918 – начале 1919 гг. реформирование исторического образования и изгнание в 1922 г. за пределы страны ряда маститых отечественных историков («философский пароход»). Казалось бы, в условиях начавшейся иностранной интервенции и гражданской войны, охвативших большую часть территории страны, следовало сосредоточить все силы на изгнании из России иностранных интервентов, используя в том числе и исторический опыт войны 1612 и Отечественной войны 1812 годов, остановить братоубийственную войну и восстановить гражданский мир. А в это время (конец 1918 – начало 1919 гг.) в крупнейших университетах закрывают исторические (историко-филологические) и юридические факультеты и

создают на их базе факультеты общественных наук – ФОНы, где истории страны отводилась весьма скромная роль [17, с. 822]. В 1921 г. для подготовки идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук создаются институты красной профессуры [2, с. 410]. В 1931 г. в Москве на базе историко-филологического факультета МГУ, созданного и вскоре выведенного из состава университета, появляется Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ) [21].

В 1933 г. в Ленинграде, на базе выделенного из состава ЛГУ историко-лингвистического факультета, создается Ленинградский историко-философский лингвистический институт (ЛИФЛИ) [24].

Проведенные реформы не повысили качество подготовки профессиональных историков, скорее, ограничили возможности плодотворного развития исторической науки. Большой ущерб кадровому потенциалу профессиональных историков нанесли политические репрессии и прежде всего так называемое «Академическое дело», по которому к суду и следствию была привлечена большая группа как весьма солидных, так и молодых, но уже известных историков – академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский; историки А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, Л. В. Черепнин, Н. М. Дружинин, М. Н. Тихомиров и другие [11, 20]. Некоторые из них после непродолжительного ареста были освобождены (Н. М. Дружинин, М. Н. Тихомиров), другие приговорены к длительным срокам заключения с последующей высылкой. Так, С. Ф. Платонов был выслан в Самару, Е. В. Тарле – в Алма-Ату, Н. П. Лихачев – в Астрахань, М. К. Любавский – в Уфу, С. В. Рождественский – в Томск, С. В. Бахрушин – в Семипалатинск, А. И. Андреев – в Енисейск, В. И. Пичета – в Вятку – сроком на 5 лет [6, Т. I, Т. II]. Благодаря «Академическому делу» одни историки преждевременно ушли из жизни, другие были надолго лишены возможности плодотворно заниматься наукой, т. к. были изолированы от крупных библиотек и архивохранилищ.

О богатом историческом опыте страны ее руководители вспомнили только в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Тогда вновь зазвучали имена наших героических предков, и в 1942 – 1944 гг. были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Ушакова, Нахимова [18, с. 946].

Великая Отечественная война победоносно завершилась, и мы вновь на уровне руководства страны и

общества перестали обращаться к нашему историческому опыту. Ситуация стала меняться только в последнее время. На экранах ТВ появились передачи «Суд истории», «Исторический процесс», участники политических дискуссий стали чаще обращаться к примерам из нашей прошлой истории. И вот, наконец, 9 января 2012 г. президент Российской Федерации Д. А. Медведев издал Указ № 49 «О проведении в Российской Федерации года российской истории» [19]. И здесь мы подходим к вопросу, ради которого была задумана эта статья. Насколько готовы россияне, и прежде всего историки России, к такому очень важному и, бесспорно, нужному для страны мероприятию? Проведение года российской истории задумано «в целях привлечения внимания общества к Российской истории и роли России в мировой истории» [19]. Иными словами, проведение года российской истории должно привлечь внимание общества к изучению и использованию уроков истории – накопленного опыта социально-экономического и политического развития как внутри страны, так и на международной арене. Любой исторический опыт ценен, если он достоверен, точнее, объективна и достоверна характеризующая его информация, содержащаяся в исторических источниках. Таким образом, эффективность проведения года российской истории, его влияние на формирование менталитета современного российского общества будет зависеть как минимум от двух определяющих факторов – объективности и достоверности источниковедческой базы, ее доступности для исследователей, извлечения из источников накопленного исторического опыта; во-вторых, от способности специалиста-историка выявить (найти) такие исторические источники, их грамотно проанализировать – извлечь исторический опыт, т. е. от уровня его профессионализма. И если первый фактор в значительной степени определяется состоянием внутриполитической обстановки в стране, то второй – качеством подготовки специалиста-историка.

Не будем углубляться в далекое прошлое и обратимся к оценке этих факторов – источниковедческой базы и профессионализма историка в новейший период отечественной истории.

Объективная оценка накопленного исторического опыта должна опираться на представленную базу исторических источников, которыми располагает исследователь. В советское время это условие не всегда можно было обеспечить по разным причинам. В первую очередь, это зависело от сохранности документов, содержащих необходимую информацию. В текущих (ведомственных) и даже в государственных архивах не всегда обеспечивались необходимые условия хранения: температурно-влажностный режим и пожарная безопасность. Архивы часто располагались в зданиях церквей, монастырей, подвалах, складских и других непригодных помещениях. В результате происходила утрата документов, представляющих ценные исторические источники. Документы погибали не только от нарушений условий хранения, пожаров, затопления помещений и других чрезвычайных событий. В условиях тоталитарной системы имело место сознательное уничтожение ряда документов постоянных сроков хранения, имевших большую научную и практическую значимость.

Не избежали этой участи даже отдельные категории документов, хранящихся в архивах органов учреждений

государственной безопасности [1, с. 33, 63, 150; 12, с. 36 – 37]. Поэтому, оценивая извлеченный исторический опыт, историк должен прежде всего исходить из того, насколько полна и репрезентативна источниковедческая база, гарантирующая объективность и достоверность информации, освещающей этот опыт.

Сложившаяся в условиях советской власти монопартийная система, достаточно быстрое сращивание партийного и государственного аппаратов привели к тому, что приоритетными источниками по всем проблемам истории советского общества стали документы, образовавшиеся в лоне правящей партии – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Они же стали служить эталоном оценки информации других документов советской эпохи. В учебнике по источниковедению истории СССР, вышедшем в 1981 г. в издательстве высшей школы, подчеркивается, что документы КПСС в подавляющем большинстве являются результатом коллективного творчества, проходят стадии предварительных обсуждений, «...уже в процессе создания этих документов осуществляется своеобразный анализ тех сведений, оценок и утверждений, которые в них содержатся...». На этом основании делается вывод о том, что «...партийные документы для историков советского общества служат важным критерием для проверки идейной направленности и достоверности других источников» [7, с. 361].

Одно только это обстоятельство требует основательного критического подхода к концепциям и оценкам, созданным на основе документов советской эпохи, включая документы КПСС, поскольку достоверность содержащейся в них информации нуждается в подтверждении.

Ограничимся всего двумя примерами. В январе 1937 г. в Москве проходил судебный процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». В числе подсудных было несколько человек из Кузбасса – Б. О. Норкин, начальник «Кемеровокомбинатстроя», его заместитель Я. Н. Дробнис, главный инженер треста «Кузбассуголь» М. С. Строилов и другие. М. С. Строилов был специалистом горного дела высокого класса, имел ряд ценных рационализаторских предложений, а в июле 1935 г. за ценное руководство работой и перевыполнение плана добычи угля был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Согласно приговору по этому делу, все подсудимые были обвинены в диверсионной, вредительской, шпионской антисоветской деятельности, срыве плана производства, ухудшении качества продукции [14, с. 210 – 216]. На февральско-мартовском пленуме ЦКВКП(б) 1937 г. М. С. Строилов и другие лица, проходившие по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», неоднократно характеризовались как вредители. Даже на прямой вопрос о М. С. Строилове один из руководителей угольной промышленности Кузбасса М. Л. Рухимович, награжденный в 1935 г. одновременно со Строиловым, без всяких сомнений заявил с трибуны Пленума: «Строилов – шпион, как известно из показаний» [15, с. 9]. Информация о виновности М. С. Строилова, таким образом, нашла подтверждение в партийных документах и, следовательно, не нуждалась в проверке на достоверность. Истина была установлена спустя 50 с лишним лет после реабилитации в 1988 г. М. С. Строилова и других участников этого процесса [14, с. 234 – 235].

Пример необоснованности оценки достоверности информации на базе партийных документов можно привести и из сравнительно недавнего времени.

В апреле 1986 г., после аварии на Чернобыльской АЭС, по решению политбюро ЦК КПСС для ликвидации ее последствий была создана под председательством Н. И. Рыжкова оперативная группа (комиссия), в которую направлялась вся информация о воздействии радиации, в том числе об обнаружении признаков лучевой болезни у населения, включая детей. Протоколы комиссии были сразу же засекречены, а скудные сведения, поступавшие из нее в средства массовой информации, были довольно оптимистичными и, как выяснилось позднее, существенно расходились с реальной ситуацией. Только после запрета деятельности КПСС журналисту Алле Ярошинской удалось получить доступ к протоколам комиссии Н. И. Рыжкова, после чего она написала: «...главный и самый страшный изотоп, вылетевший из горла реактора (Чернобыльской АС-К3), как раз и отсутствует в таблице Менделеева. Это – ложь 86. Обман столь же глобален, сколь глобална сама катастрофа» [23]. Таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что далеко не каждый документ, созданный в партийных структурах (в данном случае сведения комиссии Н. И. Рыжкова для средств массовой информации), могут использоваться для оценки достоверности аналогичных сведений из других источников.

Новый всплеск интереса к отечественной истории, особенно к ее «белым пятнам» и «фигурам умолчания», наблюдается в годы перестройки. Справедливости ради, следует сказать, что инициировали этот процесс не историки, а публицисты. В их статьях, как правило, отсутствовали убедительные ссылки на источники информации, но тем не менее появилось много сомнительных предположений и домыслов, получивших широкое распространение и опасных тем, что они часто воспринимались как реально существовавшие события. Обилие публицистических статей по истории нашей страны в текущей периодике [3, 8, 10], появление целого ряда публицистических сборников – «Иного не дано» [5], «Погружение в трясину» [13], «В своем отечестве пророки» [4] – оказали большое влияние на мировоззрение читающей части населения. Сложнее обстояло дело с извлечением и использованием из ставшего более доступным документального наследия исторического опыта, который оказывался чаще негативным, нежели положительным. В сложившейся ситуации закономерно возникает вопрос, почему историки как бы посторонились и уступили основное поле деятельности публицистам? Они не были готовы к подобному развитию событий или чувствовали большую ответственность за появление новых оценок?

Ответ на этот вопрос мы частично находим в опубликованной в 1989 г. статье академика И. Д. Ковальченко «Исследование истины само должно быть истинно», в которой автор, опираясь на цитату из сочинений

К. Маркса и Ф. Энгельса «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным», выдвигает перед историками ряд условий, направленных на решение этой проблемы. По мнению И. Д. Ковальченко «... ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа историков к новым материалам при всей их несомненной важности сами по себе, без повышения теоретико-методологического и конкретно-научного уровня общественно-научных исследований не приведут к существенным сдвигам в развитии исторической науки» [9, с. 171].

Соглашаясь полностью с И. Д. Ковальченко, от себя только добавим, что без высокого уровня профессионализма невозможно обеспечить истинный путь познания исторической действительности, извлечь объективные уроки истории (исторический опыт) и использовать его при решении актуальных задач современности. В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века при относительно благоприятных условиях для развития исторической науки историки оказались не готовыми полностью обеспечить истинный путь познания исторического прошлого и вольно или невольно позволили публицистам взять на себя миссию оценки исторического опыта и создать с его помощью не всегда объективное общественное мнение.

Сегодня политическое руководство страны намерено вновь привлечь внимание россиян к историческому опыту, объявив 2012 год годом российской истории [19]. Хорошо, если бы подобное обращение происходило не от случая к случаю, в критические минуты истории, а стало постоянной традицией. Тогда исчезла бы необходимость пребывать постоянно в поиске национальной идеи, поскольку поколения, воспитанные на лучших примерах отечественной истории, всегда становятся патриотами своей страны.

Но вот снова возникает вопрос, насколько готово общество и кадры профессиональных историков к проведению этого мероприятия?

События последних месяцев (выборы в Государственную думу и выборы президента Российской Федерации) показали, что общество неоднозначно воспринимает события и оценки, относящиеся к нашей далекой и очень близкой истории. Что же касается подготовки кадров преподавателей и ученых историков, то росту их профессионализма вряд ли способствуют реформы общеобразовательной и высшей школ, проводимые в последние годы. Переход на 4-летнюю подготовку специалистов в области отечественной и международной истории (бакалавриат), сокращение наборов на исторические факультеты приведет к снижению качества подготовки историков. И тогда снова встанет вопрос, почему же мы плохо изучаем наш большой исторический опыт и не воспитываем на нем новые поколения россиян?

Литература

1. Бакатин, В. В. Излечение от КГБ / В. В. Бакатин. – М., 1992.
2. Большая российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 11.
3. Бурганов, А. История – мамаша суровая / А. Бурганов // Дружба народов. – 1988 – № 6.
4. В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: лучшие авторы 1988 года. – М.: Кн. палата, 1989. – 248 с.
5. Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – 675 с.
6. История России XX века. Библиографический словарь. – Саратов, 2005. – Т. I, II.

7. Источниковедение истории СССР. – М.: Высшая школа, 1981.
8. Капустин, М. П. От какого наследства мы отказываемся / М. П. Капустин // Октябрь. – 1988. – № 4, 5.
9. Ковальченко, И. Д. Исследование истины само должно быть истинно. Заметки о поисках исторической правды / И. Д. Ковальченко // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. – М.: Высшая школа, 1989.
10. Лацис, О. Угроза перестройки / О. Лацис // Знамя. – 1088. – № 2.
11. Павленко, Н. И. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ / Н. И. Павленко // Наука и жизнь. – 1989. – № 11.
12. Петров, Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов / Н. В. Петров // Отечественная история. – 1997. – № 5.
13. Погружение в трясину. – М.: Прогресс. – 703 с.
14. Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
15. Стенограмма февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦКВКП(б) // Вопросы истории. – 1994. – № 2.
16. Солженицын, А. И. Как нам обустроить Россию: брошюра / А. И. Солженицын // Комсомольская правда. – 18 октября 1990.
17. Советская историческая энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14.
18. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
19. Указ президента Российской Федерации Д. А. Медведева № 49 от 9 января 2012 г. «О проведении в Российской Федерации года российской истории» – Режим доступа: <http://www.webground.su/topic/2012/01/09/t203>.
20. Цомутали, А. Н. Цомутали // Репрессированные геологи. – М.; СПб, 1999.
21. Шарапов, Ю. П. Лицей в Сокольниках. Очерки истории МИФЛИ / Ю. П. Шарапов. – М., 1995.
22. Шикло, А. Е. Проблемы историографии и преподавательской деятельности в научном наследии И. Д. Ковальченко / А. Е. Шикло // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. – М., 1997.
23. Ярошинская, А. Сорок секретных протоколов кремлевских мудрецов / А. Ярошинская // Известия. – 1992. – 25 апреля.
24. <http://ru.m.wikipedia.org/wiki/ЛИФЛИ>.

Информация об авторе:

Заболотская Калерия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ, 8(384-2) 58-09-88, noi@historu.kemsu.ru.

Zabolotskaya Kaleria Aleksandrovna – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History of KemsU.